

5. Неделимые фонды колхозов. М., 1960. С. 197.
6. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970.

V.P. Motrevich

TRACTOR FLEET OF AGRICULTURE

IN THE URALS, ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article presents the analysis of the development of agriculture of the Urals in terms of its technical support, with the help of specially designed machine-tractor stations

Keywords: Ural, agriculture, the Great Patriotic war, machine-tractor Park

М.Ю.Нечаева*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ О РЕПРЕССИРОВАННОМ МОНАШЕСТВЕ СРЕДНЕГО УРАЛА

В статье рассматривается информационный потенциал дел репрессированных для изучения социальных, демографических, ментальных, идеологических аспектов истории Православной церкви на Урале.

Ключевые слова: монашество, монастыри, Православие, история Церкви, репрессии, следственные дела

Поиск таких дел начался еще в 90-е гг. XX в. Он проводился и проводится как представителями Русской Православной Церкви, так и светскими исследователями, и цели данного поиска, а следовательно и востребованность спектра информации указанного вида исторических источников различна.

Естественно, прежде всего, внимание исследователей привлекают данные о судьбе насельников монастырей при советской власти. Многие из них пострадали от репрессий, некоторые причислены ныне к лику новомучеников. В возрождающихся монастырях жива традиция поминовения всех насельников обители, чьи имена удалось восстановить.

Однако информационные возможности следственных дел о репрессированном монашестве не исчерпываются таким спектром сведений. Они проливают свет и на биографии насельников до 1917 г., на ментальность этой социальной группы, на трансформацию форм религиозной жизни в условиях антирелигиозной политики.

В рамках исследований монашества досоветского периода были созданы две базы данных по иночеству Среднего Урала (XVIII—начала XX вв.). БД по мужским монастырям в настоящее время насчитывает 1531 персоналию (по 7 монастырям, № госрегистрации 2011620459), БД по женским монастырям – 5639 персоналий (по 15 монастырям).

Систематизированные в базах данных сведения о проживавших в монастырях Среднего Урала насельниках (по различным обителям сохранились ведомости монашествующих и послушников за 1907—1923 гг.) стали основой выявления следственных дел. Сложность поиска порождается сменой имен при принятии пострига, имеющимися неточностями в указании дат и места рождения, отсутствием

* Нечаева Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, ИИиА УрО РАН. atlasch@narod.ru

по ряду персональных информации об отчестве насельника, а также тем, что к моменту расследования они уже обычно не проживали в монастырях (закрытых к тому времени), а служили при храмах в качестве приходского духовенства или занимались разными работами физического плана, и именно в таком социальном статусе и фиксировались в следственных делах и составленных к ним описях.

Поиск велся с учетом возможного диапазона неточностей по данным параметрам информации. В 1990-е гг. поиск был ориентирован на персоналии насельников монастырей Восточного Урала (лично составителем баз данных по описям Государственного архива общественных организаций Свердловской области, а также путем рассылки официальных запросов на поиск по соответствующим архивам и управлениям ФСБ Челябинской, Курганской, Пермской и Тюменской областей). Выбор мест поиска определялся распространенным ареалом мест рождения и проживания до ухода в монастыри насельников обителей Восточного Урала.

С учетом распространения сферы исследования на монашество Западного Урала и пополнения баз данных персоналиями насельников обителей Пермской епархии в настоящее время составлена расширенная база для поиска и проведено предварительное выявление спектра следственных дел по Интернет-версии 4-го издания диска «Жертвы политического террора в СССР», выпущенного в 2007 г. Международным обществом «Мемориал» совместно с Уполномоченным по правам человека в РФ в сотрудничестве и при поддержке Российской объединенной демократической партии «Яблоко», Международного благотворительного фонда им. Д.С.Лихачева и Швейцарской программы по развитию и сотрудничеству⁴³².

Спектр монастырей, по которым производится такой поиск, включает из мужских монастырей как Верхотурский Николаевский, Далматовский Успенский и Кыртомский Крестовоздвиженский (по которым поиск был проведен в 1990-е гг.), так и Белогорский Николаевский монастырь и Успенское мужское общежитие на «Иосифовой Гари» в Прикамье. Из женских монастырей в поисковое поле включены как Екатеринбургский Новотихвинский, Верхотурские Покровский и Успенский, Нижнетагильский Скорбященский, Бобровский Алексеевский, Красносельский Введенский, Колчеданский Покровский монастыри (по которым также поиск проводился ранее), так и Бахаревский Серафимо-Алексеевский Богородице-Казанский, Верх-Теченский Троицкий, Каменский Преображенский, Красносельский Иоанно-Предтеченский, Кунгурский Иоанно-Предтеченский, Обвинский (Верх-Язьвинский) Успенский, Пермский Успенский, Сарсинский Боголюбовский монастыри, по которым удалось найти информацию о насельниках за 1908—1920 гг. По остальным обителям, к сожалению, пока не выявлены списки насельников первой четверти XX в., которые могли бы стать основой поиска.

Конечно, каждое следственное дело требует отдельного источниковедческого анализа. Но если говорить о результатах поиска в

⁴³² URL: <http://lists.memo.ru/index.htm>; дата обращения: 20 октября 2014 г.

целом, то можно выявить две основные категории дел, представляющих особую информационную ценность. К первой категории можно отнести комплекс дел, связанных с насельниками верхотурских монастырей. В Верхотурье к 1917 г. было три монастыря: мужской Николаевский, женский Покровский (в самом городе) и женский Успенский (в ближайших окрестностях). Поэтому и после закрытия этих обителей в Верхотурье оказалось значительное количество монашествующих и послушников, пытавшихся найти способы существования в новых условиях и продолжавших поддерживать между собой активные контакты, которые позволяли в значительной степени сохранять прежний уклад жизни. Такая видимая концентрация монашествующих вызывала глубокое недовольство местных властей, ярко выраженное в январе 1929 г. в выступлении местного атеиста Глезденева на районной конференции Союза безбожников Верхотурского района: «Некуда плюнуть, то угодишь в монашку, а то в монаха, нужно создать кружки безбожников»⁴³³.

Именно в Верхотурье неоднократно проводились кампании по публичному вскрытию мощей Симеона Верхотурского, провоцировавшие монашествующих на выражение недовольства, однозначно квалифицируемые местными властями как антисоветская агитация. Заботой местных властей было и последовательное выявление организованных общин монашествующих, вынужденных переходить на нелегальное положение. В ходе следствий, проводившихся в 1920—1932 гг., особое внимание следователей было обращено на деятельность насельников со времен гражданской войны, что позволяет проследить трансформацию форм монашеской жизни и идеологические искания в условиях начавшегося церковного раскола. Более ранние страницы жизни также вызывали интерес следователей, поскольку в сознательном выборе монашеской жизни они намеревались найти доказательства последовательной антисоветской позиции. В отличие от следственных дел более позднего периода, этот массив отличается подробными допросами, несущими следы человеческой индивидуальности подследственных, не искаженной грубыми заготовками следователей.

Дело 1920 г. по обвинению настоятеля Верхотурского монастыря Ксенофонта Медведева и иеродиакона Вениамина Зыкова в антисоветской агитации было связано с попытками легального оформления в Верхотурском Николаевском монастыре религиозной общины (приходской), что позволило бы братии и далее проживать на исторической территории обители и сохранять иноческий уклад жизни. Хорошим поводом к обвинениям стали произошедшие при вскрытии мощей Симеона Верхотурского волнения, в подстрекательстве к которым обвинили монашествующих. В ходе допросов следователи подробно записали со слов обвиняемых обстоятельства пребывания белой армии на территории Верхотурья и Николаевского монастыря, историю отступления части братии с белой армией, когда из Верхотурья была увезена серебряная рака от мощей Симеона⁴³⁴.

⁴³³ ЦДОСО. Ф.77. Оп.1. Д.122. Л.2.

⁴³⁴ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.34840.

В 1925 г. семеро монахов Верхотурского Николаевского монастыря снова оказались под следствием по обвинению в антисоветской агитации⁴³⁵, проявление которой следователи усмотрели в распространении и обсуждении среди верующих письма, призывавшего к верности староцерковническому направлению в церковной жизни и отказу от обновленчества, а также говорящего о гонениях на верующих в России. Данное дело представляет особый интерес для изучения идеологических перемен среди монашества в период начала церковной смуты.

После процесса 1925 г. договор об аренде монастырских церквей с приходской общиной, в которой монахи числились служителями культа, был расторгнут, а сами члены церковно-приходского совета так перепуганы витавшей над ними угрозой, что поспешили порвать все отношения с братией. Последний монастырский храм, действовавший до 1925 г. – Крестовоздвиженский – в марте 1925 г. передан обновленцам [2, С. 31].

Некоторые из насельников ушли «на приход» – служить священниками при церквях, некоторые остались жить частным порядком на квартирах в Верхотурье, особенно престарелые. Около десяти человек ушли в скит на Малом Октае, в 22 верстах от Верхотурья. Скит, основанный еще в 90-е гг. XIX в., со времен революционных потрясений пустовал. После разгона монастыря в 1925 г. иеромонах Маврикий (Огородников) оформил на свое имя аренду имеющихся там построек и поселился вместе со своими братьями по обители. Материалы следствия, заведенного в 1928 г. против насельников скита⁴³⁶, рисуют эту – последнюю – стадию существования монашеской общины, человеческие портреты насельников и сложившиеся между ними взаимоотношения.

В скиту сохранялся иноческий уклад жизни, ежедневно совершались церковные службы, на которых иеромонах Кельсий (Мотов), ставший руководителем общины, поминал и царскую семью. Скит посещали верующие, в том числе монашествующие, разошедшиеся после разгрома обителей по Уралу. О том, что скит оставался своеобразным центром монашеской жизни для региона, говорит и широкая осведомленность Кельсия о бывших собратиях по Николаевскому монастырю. Начальник следственного отдела Зубрицкий делал небезосновательные выводы: «...когда я показал Кельсию список всех монахов Верхотурского монастыря (около 150 чел[овек]), он мне рассказал (за единичными случаями), где они все в настоящий момент находятся и чем занимаются. Отсюда вполне естественно возникает вопрос: откуда человек, живущий в глуши, может знать все подробности жизни каждого из 150 монахов Верхотурского монастыря? Несомненно, он также хорошо знает о судьбе и монахов Далматовского монастыря и других монастырей (мужских и женских) Уральской области. Чтобы убедиться в этом, стоит только заглянуть в помянник, который Вам направляется вместе с Кельсием. В этом помяннике «о здравии» и «о упокоении» поминаются сотни имен монахов и монашек»⁴³⁷.

⁴³⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп.2. Д.136, ГАСО. Ф.Р-148. Оп.1. Д.652.

⁴³⁶ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.24507.

⁴³⁷ Там же. Л.27.

Еще одним островком монашеской жизни стала д.Сербишино Нижнетагильского округа, где в начале 30-х гг. жило около 20 насельниц из разных закрытых к тому времени монастырей. Руководил этой общиной один из верхотурских монахов – игумен Пахомий (Пьянков), позднее – верхотурский иеромонах Иоиль (Вяткин). Служили при церкви, работали на лесозаготовках, занимались руководящими⁴³⁸. Этот нелегальный монастырь также был разогнан в 1935 г.

Многие монахи и монахини осели в Верхотурье. Они жили по частным домам, иногда по несколько человек в одном месте, часто общались между собой. Но единого монастыря уже не составляли. Массовое пребывание монашествующих в Верхотурье и его ближайших окрестностях было вполне очевидно. Весной 1931 г. была развернута агентурная разработка «Историческая гниль», ставящая целью масштабное выявление с целью последующего устранения монашества. Дело 1931—1932 гг., ставшее результатом этой разработки, носило характер социальной чистки⁴³⁹. По делу проходило 34 монаха и послушника Верхотурского Николаевского монастыря, некоторые насельники Далматовского Успенского и Кыртомского Крестовоздвиженского монастырей, 58 насельниц Верхотурского Покровского монастыря, 32 – Верхотурского Успенского, 11 – Нижнетагильского Скорбященского, некоторые насельницы Бобровского Алексеевского, Екатеринбургского Новотихвинского, Красносельского Введенского монастырей. Приговор получили 140 чел.

Руководителями «поповско-монашеской» контрреволюционной организации, ставящей целью «срыв коллективизации и др[угих] мероприятий сов[етской] власти с целью ослабления диктатуры пролетариата и восстановления капиталистического строя», должны были стать, по мнению органов ГПУ, люди, облеченные значимым духовным саном. Поэтому главными обвиняемыми являлись епископ Сарапульский Алексей (Кузнецов) и архимандрит Верхотурского Николаевского монастыря Ксенофонт (Медведев). Первого выводили как идейного вдохновителя заговора, второго – его активнейшим помощником в деле организации отрядов из монашествующего духовенства.

Девять томов дела – богатейший исторический источник и о методах ведения следствия того времени и о судьбах монашествующих при советской власти. Но кроме этого следственное дело содержит обширный и в значительной степени уникальный материал о мотивах выбора монашеского пути, о человеческих характерах и неформальных лидерах среди насельников верхотурских обителей.

Уральские монастыри дореволюционного периода имели вполне традиционный для России в целом социальный состав насельников – в основном, крестьянство, остававшееся неграмотным или малограмотным и в начале XX в. Даже формулировка «грамотный» означала всего лишь навыки чтения и письма и знание Закона Божия. Поэтому у насельников монастырей Урала не было внутренней потребности в ведении каких-либо письменных заметок личного пла-

⁴³⁸ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.39420.

⁴³⁹ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.41750.

на. В распоряжении историков нет ни дневников, ни личной переписки монашествующих, которые раскрывали бы их внутренний мир. Поэтому даже не слишком пространные объяснения, данные в ходе следствия, относительно жизненного пути до ухода в монастырь и тех обстоятельств, которые привели в его стены – действительно уникальный материал для историко-антропологических исследований. От следователя зависело, насколько подробно излагались такие сведения, в принципе, предусмотренные формой допроса. Поэтому не все следственные дела на монашествующих равноценно информативны, но дело по разработке «Историческая гниль» следует признать одним из самых ценных.

Последняя страница жизни уральского монашества, сформировавшегося в дореволюционный период – при различных церквях, как правило в небольших населенных пунктах – представлена страницами многих следственных дел. Наиболее интересны среди них опять же те, которые были заведены на монашествующих, проживающих небольшими группами. К числу таковых можно отнести следственное дело 1929–1930 гг. на иеромонаха Верхотурского Николаевского монастыря Гурия Кулезнева⁴⁴⁰, служившего священником в с. Усть-Салда Верхотурского района. Согласно материалам дела, в этом селе и нескольких близлежащих проживали семеро монашествующих.

Вплоть до 1930 г. сохранялся и еще один островок, оставшийся от Верхотурского Успенского монастыря – группа насельниц, обосновавшаяся в Благовещенском районе Уральской области неподалеку от д. Тохтаревой, возле которой жил в келье основатель и духовный наставник этого монастыря, почитавшийся ими как старец – иеромонах Верхотурского Николаевского и Кыртомского Крестовоздвиженского монастырей Дамиан (в схиме Даниил) Лисицын⁴⁴¹. Следственное дело на него содержит интересный материал и о некоторых монахах Кыртомского монастыря.

Вторая категория дел, выявленная в ходе поиска – это комплекс дел по обвинению в антисоветской агитации самозванцев, бытовавших в религиозной среде, выдававших себя за представителей дома Романовых. По словам известного русского историка В.О. Ключевского, «у нас с легкой руки первого Лжедмитрия самозванство стало хронической болезнью государства». Однако и у этого явления были свои пики и падения. Считается, что наибольший размах оно имело в период Смутного времени, когда появилось до 12 самозванцев, а также во второй половине XVIII в., когда число одновременно существовавших самозванных претендентов на имя одной и той же царственной персоны доходило до семи человек. На протяжении XVIII в., например, известно до 40 самозванцев царистского толка [3. С. 3–8; 4. С. 53]. Но если обратить внимание на век двадцатый, то всплеск самозванчества в XVIII в. предстанет в значительно более скромном свете. Только в 1926–1928 гг. в России, по далеко не полным данным, самозванцев было до 20 чел.

⁴⁴⁰ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.24493.

⁴⁴¹ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.43911.

Следственные дела о самозванцах донесли до нас живой образ верующих 1920—1950-х гг., оказавшихся в тисках советской действительности и агрессивной атеистической идеологии. И что особенно важно – это информация о религиозных «низах», чей быт и менталитет очень слабо запечатлен письменными историческими источниками. Основная трудность в изучении самозванчества XX в. – случайный характер выявления исторических источников. Архивные описи включают в себя информацию о социальном происхождении, годе и месте рождения осужденного, месте его жительства перед арестом и номере статьи Уголовного кодекса, по которому предъявлено обвинение. Выявление по таким данным следственных дел о самозванчестве подобно поиску иголки в стоге сена: самозванцы часто меняли место жительства, иногда жили по подложным документам, а сведения о них передавались конспиративно среди лиц, которые по большей части верили в истинность спасшихся «Романовых», а потому скрывали даже под следствием информацию о них.

Первое дело о самозванцах было выявлено нами в ходе поисков информации о монашествующих Среднего Урала. Это было дело 1928 г. о Михаиле Александровиче Поздееве, выдававшем себя за великого князя Михаила Романова. По данному делу проходили несколько монахинь Екатеринбургского Новотихвинского монастыря. Своеобразная натура Михаила Поздеева – странника, легко передвигавшегося по огромным просторам страны, подвижного любопытством к судьбе членов царской семьи, о спасении которых ходили легенды, который под следствием выбалтывал множество имен – сделала материалы дела краеугольным камнем последующего отдельного изыскания по самозванчеству XX вв. Поиск персоналий шел «каскадным» способом, отталкиваясь от материалов дела 1928 г. В результате было выявлено еще 4 дела о Михаиле Поздееве, раскрывающие его деятельность вплоть до 1952 г. и показывающие трансформацию самозванческой роли в условиях меняющейся исторической ситуации существования верующих в условиях атеистического государства. Личность Михаила Поздеева, весьма почитаемого последователями Богородичного центра (причислившего его к лику святых), и сейчас остается на пике религиозных и исторических споров. В ходе поисков дел о самозванцах был выявлен и опубликован комплекс из еще 7 дел, раскрывающих деятельность других исполнителей самозванных ролей [1].

Особо хочется поблагодарить за содействие в поиске и получении доступа к этим делам сотрудников Государственного архива административных органов Свердловской области, Центра документации новейшей истории Оренбургской области, Государственного архива Российской Федерации, Отдела специальной документации Управления архивного дела Администрации Алтайского края, ОРАФ УФСБ Свердловской, Челябинской, Московской, Смоленской и Тверской областей и Республики Татарстан, Центрального государственного архива общественных объединений Украины, УВД

Смоленской и Тверской областей, Алтайского края, Республики Карелия, Центрального архива ФСБ РФ, Центра правовой статистики и информации при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Надеемся, что и дальнейшие поиски информации будут проходить при содействии сотрудников архивов, сохранивших дела о репрессированном духовенстве.

Литература:

1. *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Воскресшие Романовы: К истории самозванчества в России XX века. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. 367 с., Ч. 2. Челябинск, Екатеринбург: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 559 с.

2. *Игумен Тихон (Затёкин), иеромонах Пантелеимон (Лантев).* Судьба архимандрита. Б/м, 1998. 81 с.

3. *Мыльников А.С.* Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л.: Наука, 1991. 267 с.

4. *Усенко О.* Самозванчество на Руси: норма или патология? //Родина, 1995. № 1. С.53-57.

M.Y.Nechaeva

**INFORMATION RESOURCES INVESTIGATING CASES OF
REPPRESSED MONASTICISM OF THE MIDDLE URALS**

The article considers the information potential cases of repressed to examine the social, demographic, mental and ideological aspects of the history of the orthodox church in the Urals.

Key words: monasticism, monasteries, orthodox, church history, repression, investigation files

С.Л. Разинков*

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НЕМЦЕВ-ТРУДАРМЕЙЦЕВ,
МОБИЛИЗОВАННЫЕ В ЛАГЕРЯ НКВД НА ТЕРРИТОРИИ
УРАЛА В 1941-1946 ГГ.: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И АНАЛИЗА
ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ**

В статье рассматривается пример создания базы данных по немцам, мобилизованным на Урале в военные годы.

Ключевые слова: Урал, база данных, немцы, мобилизованные

Популярность проблематики, связанной с созданием и использование архивов машиночитаемых документов и баз данных, среди историков несомненна. Распространенность исследований с применением баз данных и, в то же время, их все более локальный характер способствуют появлению тенденции, которую Питер Доорн назвал «я и моя база данных», отметив, что исследователи, работающие в русле исторической информатики «все больше и больше ощущают себя в интеллектуальном вакууме, потому что реальная история пишется за пределами нашего сообщества» [1, с.23].

В этой связи особое значение имеет обращение к просопографическим базам данных, которые отражают «жизненные пути» различных социальных, профессиональных или иных групп и могут использоваться для «решения общих проблем изучения социаль-

* *Разинков Сергей Львович* – кандидат исторических наук, доцент. Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил). SergeRazinkov@mail.ru